## Осада Соловецкого монастыря

Архангельской губернии.

Во Москвы-то было, во царьсви, Во прекрасном восударьстви, Перебор-то был боярам, Пересмотр-от был воеводам. Из бояр, бояр выбирали, Воеводу-ту поставляли, Воеводу-ту непростого — Ево роду же непростого: Из бояр князь-Салтыкова. Воспроговорит-то государь-царь наш, Алексей-сударь свет-Михайловиць: «Уж ты гой еси, воевода! Я пошлю тйбя, воевода, Ко манастырю святому Ко игумену честному: Стару веру-ту порушите, Стары книги исприбите, На огни вы вси сожгите». Воспроговорит воевода: «Уж ты гой ёсй, государь-царь наш, Волексей ты сударь-Михайловиць! Как нельзя-то думой подумать На свято ведь на это место, На прекрасною кенорию, Шьчё на светов-то преподобных Соловецьких ведь цюдотворьцев». Воспроговорит осударь-царь наш Алексей-от суда́рь-Михайловиць: «Уж ты гой еси, воевода! Прикажу я тебе казнити, Руки, ноги же отпилити, Буйну голову отрубити». Воевода-та испугалсэ,

Сам слезами же обливалсэ: «Уж ты гой еси, государь-царь наш Алексей же сударь-Михайловиць! Погоди ты миня пилити, Уж (м)не дай рець говорити: Мне-ка дай жё ты силы много, Мне стрельцов, борьцов, салдатов». Шьчё садилсэ-то воевода; Надалек'он, свет, отъехал, — Он росплакалсэ, сам роздумалсэ: «Хошь я смерть-ту — я прииму же!» Он роздумалсэ воевода: Во пути будто рознемогсе; Он назать скоро воротилсэ. На то место-то накупалсэ Из бояр, бояр князь Пешерской; Шьчё садилсэ-то воевода Он во лёгоньки стружоцьки; Потянули-то ветры буйны С полудённую сторонку, Уносило-то воеводу Ко манастырю святому, Ко игумену чесному, Ка[к] ко светам-то преподобным Соловецьким же чудотворьцам. Как стрелял, стрелял воевода Во соборну-ту Божью церьковь, Уронил-то тут воевода Богородицу со престола. Вси манахи-ти испугались, По стенам-то вси побросались В одну келью-ту собирались, В одно слово-то говорили: Говорил-то всё игумен: «Вы не бойтесь-ко, мои дети, Не страшитесь-ко етой страсьти! Мы по-старому ведь отслужим, — С Христом в царсьви с им прибу́дём». По грехам было суцинилось,

По тежким грехам сотворилось:

Захотел-то ведь деревяга1

В светом озери (он) купатьце,

По верёвкам церез стену-ту опускатьце;

Ишше пал етот грешник

Он на сыру-ту земьлю;

Он сломил свой праву руку,

Извихну́л свої леву ногу.

Тут пришол к ёмў воевода:

«Ты скажи-ко нам сушшу правду:

Ище порохом-то ли доволён манастырь,

Ишше пушками-то доволен ли,

Ишше крепосью-то крепок ли

Да людьми-то ведь он лю́дён ли?»

Говорил-то тут деревяга:

«Он ведь крепосью-ту крепок,

Он людьми тольки не лю́дён.

Попадите й вы зайдите

Дровяным-то в стену окошком2».

Как зашол-то воевода,

Росказал как деревяга;

Он заця́л тут воевода,

Стару веру-ту порушил взял,

Стары книги-ти Божьи изорвал всё,

На огни-ти он прожигал их;

Всех манахов прирубили,

В синё морё-то помётали

Над игуменом наругались:

Рецист язык у его отрежут, —

Церез ночь было тако цюдо:

Он ведь зделалсэ весь здравой;

Они взели его убили —

Как небесно царсво купили.

Во ту пору-ту, во то время,

В саму в ту ведь в тёмну ноцьку

Ишше к нашому царю жо

К Олёксею-то свет-Михайловицю

Как приходят к ёму два старьца,

Как хотят-то его убити,

Руки, ноги да отпилити; Говорят ёму таки реци: «Уж ты гой ёсй, государь-царь, Олексей ты сударь-Михайловиць! Не розорей-ко ты старой веры». Посылат-то ведь царь же скоро, Он гонцёв-то скоро, салдатов: «Старой веры не розоряйте, Вы ведь книг-то не розрушайте, На огни-то не розжигайте, Вы манахов-то не рубите». Ище стретили воеводу В славном городи во Вологды. Воевода-то розболелсэ, Он в худой-то боли сконцялсэ3. Государь-от, государь наш царь Олексей-свет сударь-Михайловиць За воеводой собиралсэ, Жисть своёй жизнью сконцялсэ4. Понесли ёго в Божью церьковь, — Потекло у ёго из ушей-то, Потекла у ёго всяка га́вря5; Ишше уши-ти затыка́ли Всё хлопцятой белой бумагой6.

(Записано А. В. Марковым в Нижней Зимней Золотице от А. М. Крюковой. Напечатана в Сборнике Беломорских былин; стр. 197-201. М. 1901 г.)

- 1 Мужик деревеньской, жил по обедам.
- 2 Окошко было закладено дровами, а то им уж не попасть в стену (т. е. во внутренность стены).
- 3 Сгнил.
- 4 Когда я просил повторить эти слова, А. М. Крюкова пропела: «Он своёй-то жизней сконцялсэ». Собир.
- 5 Гной.
- 6 Пропевши эту старину, А. М. Крюкова рассказала следующее: «Царь Алексей Михайлович думал, что Никон святой; чтобы окончательно убедиться в этом, он велел ему надеть башмаки, в которых было наколочено гвоздье. Никон поставил башмаки под кровать, а царю говорил, что он ходит в них невредимо. Тогда царь велел ему переменить старую веру и

поставить новую — неправую.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.